

Зверев Николай Андреевич

**Свобода воли и право.
Прибавление к "Энциклопедии
права"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Андреевич З.**
Свобода воли и право. Прибавление к "Энциклопедии права" / Зверев Николай Андреевич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 54 с.

ISBN 978-5-519-85937-0

ISBN 978-5-519-85937-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и отвѣтственности передъ самимъ собою, т.е. о совѣсти. Отсюда, — если я совершаю высокій подвигъ, я не могу ставить его себѣ въ заслугу, какъ не поставятъ его мнѣ и другіе; если я совершаю гнусное преступленіе — я не виню себя, какъ не могутъ винить меня и другіе: въ первомъ случаѣ, я — герой поневолѣ, во второмъ, я — злодѣй по необходимости.

Наконецъ, въ области права вопросъ о свободѣ воли обуславливаетъ собою самую возможность существованія юридическихъ нормъ, назначенныхъ регулировать наши отношенія. Если дѣйствія человека направляются посторонними причинами, то, конечно, нельзя требовать отъ него подчиненія этимъ нормамъ, ибо онъ не располагаетъ собою. Самая мысль регулировать наши отношенія нормами права теряетъ при этомъ всякій смыслъ, ибо невозможно регулировать то, что регулируется силою, не поддающею нашему вѣдѣнію. Еще менѣе основаній налагать на насъ отвѣтственность за дѣйствія непроизвольныя, т.е. толковать о виѣненіи или объ юридическихъ послѣдствіяхъ нашихъ поступковъ и, ближайшимъ образомъ, о наказаніи въ обширномъ смыслѣ. Для права, слѣдовательно, какъ и для другихъ сферъ жизни, вопросъ о свободѣ воли имѣетъ первостепенное значеніе, почему онъ не можетъ быть обойденъ въ курсѣ юридической энциклопедіи.

Если вопросъ о свободѣ воли такъ глубоко затрогиваетъ всѣ стороны нашей жизни и, помимо теоретическаго интереса, имѣетъ живое практическое значеніе, то нѣтъ ни-

чего удивительнаго, что онъ всегда волновалъ людей и приковывалъ къ себѣ ихъ вниманіе: сама жизнь, такъ сказать, постоянно выдвигала его впередъ и требовала того или другаго рѣшенія. И лучшіе умы всѣхъ вѣковъ много потрудились надъ этой задачею: нѣтъ ни одной сколько-нибудь важной философской системы, которая такъ или иначе не пыталась бы разрѣшить вопросъ о свободной волѣ. За невозможностью останавливаться на отдѣльных попыткахъ, укажемъ лишь на главное направленіе въ рѣшеніи этого вопроса.

II. ДВѢ ОСНОВНЫЯ ГРУППЫ УЧЕНІЙ. УЧЕНІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ: БОГОСЛОВЫ И МАТЕРІАЛИСТЫ. УЧЕНІЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ.

Существующія ученія о свободѣ воли можно раздѣлять на двѣ большія группы, діаметрально противоположныя другъ другу по своимъ конечнымъ выводамъ: къ одной изъ нихъ относятся тѣ ученія, которыя рѣшаютъ вопросъ отрицательно, къ другой — тѣ, которыя рѣшаютъ его положительно. Къ первой группѣ примыкаютъ главнымъ образомъ богословы и матеріалисты, ко второй — идеалисты.

а | ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ УЧЕНІЯ. Страннымъ покажется съ перваго взгляда, что два столь противоположныхъ направленія, какъ религіозное и матеріалистическое, изъ которыхъ одно считаетъ своимъ догматомъ признаніе безсмертнаго духа, а другое выставяетъ такимъ же

догматомъ отрицаніе этого духа и утвержденіе, что существуетъ только матерія; — страннымъ покажется, что эти два врага на жизнь и смерть приходятъ по основному вопросу о свободѣ воли къ одному и тому же результату: они дружно утверждаютъ, что человѣкъ не надѣленъ свободною волею и въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ посторонней силѣ. Этою силою одни изъ нихъ признаютъ волю Божию, другіе — законы матеріальной природы. Но, совпадая другъ съ другомъ въ конечныхъ выводахъ, религіозная мысль и матеріалистическая доктрина приходятъ къ нимъ совершенно различными путями.

Первая отправляется отъ точки зрѣнія, что все въ мірѣ совершается по предустановленному плану, которому люди слѣдуютъ неуклонно. Планъ этотъ начертанъ не только въ общемъ и цѣломъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ; при чемъ жизнь и отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества является лишь осуществленіемъ, воплощеніемъ мысли верховнаго существа. Ученіе это, извѣстное подъ именемъ ф а т а л и з м а, съ особою силою существовало у древнихъ народовъ; въ полномъ и законченномъ видѣ оно существуетъ и теперь у народовъ восточныхъ, особенно у магометанъ. Оно, далѣе, нашло себѣ мѣсто и въ христіанской догмѣ подъ именемъ ученія о предопредѣленіи. Ученіе это было впервые теоретически обработано блаженнымъ Августиномъ, мыслителемъ конца IV и начала V-го вѣка, въ его полемическихъ письмахъ къ британскому монаху Пелагію, признававшему въ человѣкѣ свободную волю. Позднѣе

оно было усвоено церковію и получило широкое распространіе между богословами средних вѣковъ. Къ нему примкнули, между прочимъ, Лютеръ и Кальвинъ. Въ болѣе близкое къ намъ время оно вновь возродилось въ трудахъ Воссюэта и Фенелона.

М а т е р і а л и с т и ч е с к а я точка зрѣнія на вопросъ о свободѣ воли отправляется отъ положенія, что существуетъ только матерія, и что то, что обыкновенно называютъ духомъ, душою, разумомъ, есть лишь свойство, функція этой матеріи, и не болѣе. А такъ какъ матеріальный міръ подчиненъ въ своей жизни неизмѣннымъ законамъ, управляющимъ его явленіями, то и человѣкъ, какъ одна изъ составныхъ единицъ этого міра, находится подъ дѣйствіемъ тѣхъ же законовъ, направляющихъ и опредѣляющихъ всѣ его движенія. Поэтому, то, что онъ ощущаетъ, хочетъ, думаетъ, подчинено необходимымъ законамъ природы, какъ все сущее. И не только въ общемъ, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ управляется суммою внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, такъ что каждое его дѣйствіе является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ причинъ. О свободѣ воли, стало быть, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Матеріализмъ, какъ философская школа, — ученіе очень древнее, но его выводы относительно воли съ особою полнотою и послѣдовательностью развиты писателями конца прошлаго вѣка, имѣвшими ревностныхъ послѣдователей и въ текущемъ столѣтіи. Изъ первыхъ укажу на барона Гольбаха и де-Ламетри; изъ вторыхъ — на Мо-

лешота, Бюхнера и Фохта. Въ области юридическихъ наукъ взгляды этотъ нашелъ себѣ наиболѣе послѣдовательнаго истолкователя въ Кнаппѣ | *Rechtsphilosophie* 1857 |.

Послѣдователи ученій, отрицающихъ свободу воли, не довольствуясь философскими основаніями и данными естествовѣдѣнія, ссылаются иногда на статистику въ подтвержденіе своего мнѣнія. Эти ссылки стали особенно часто повторяться въ послѣднее время, когда статистикѣ, дѣйствительно, удалось доказывать, что міръ явленій, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является человѣкъ, управляется такими же постоянными законами, какъ и міръ физическій; а эти законы, — говорятъ отрицатели нашей внутренней свободы, — необходимо исключаютъ свободу нашихъ дѣйствій. Изъ этой точкѣ зрѣнія намъ еще предстоитъ вернуться впоследствии.

б | ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ УЧЕНІЯ, представителями которыхъ являются главнымъ образомъ идеалисты — метафизики, рѣшаютъ вопросъ о свободѣ воли утвердительно. Мыслители этой группы находятъ, что человѣкъ свободно располагаетъ своими дѣйствіями и потому въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ поступать такъ или иначе, по выбору; — что его воля не связана никакими ограниченіями, кромѣ предписаній разума, которымъ она повинуется, и что, повтому, она всегда можетъ отка-заться отъ одного рѣшенія и остановиться на другомъ. Главное основаніе къ такому выводу они видятъ, съ од-

ной стороны, въ нашемъ сознаніи, — въ присущемъ каждому человѣку убѣжденіи, что онъ располагаетъ собою, какъ хочетъ; съ другой, — въ видимой возможности поступать въ большей части случаевъ согласно своимъ намереніямъ. Ученія, признающія за человѣкомъ свободную волю, имѣли своихъ представителей во всѣ времена, частью потому, что они какъ бы подтверждаются ежедневнымъ опытомъ жизни, не провѣреннымъ строгимъ анализомъ, частью потому, что они всего болѣе отвѣчаютъ практическимъ требованіямъ общежитія, частью, наконецъ, потому, что они согласуются съ потребностями нашего сердца. Но особенно окрѣпли и распространились эти ученія со времени появленія философіи Канта и Фихте, поднявшихъ значеніе теоріи свободной воли своими глубокими изслѣдованіями. Сторонниковъ этого направленія очень много въ современной французской и нѣмецкой литературѣ; можно сказать даже, безъ преувеличенія, что ему въ настоящее время принадлежитъ преобладаніе.

Указавъ на два главныхъ направленія въ рѣшеніи вопроса о свободѣ воли, мы не станемъ останавливаться на ихъ критикѣ, потому что направленія эти охарактеризованы нами самымъ бѣглымъ образомъ, а такая характеристика не даетъ достаточныхъ данныхъ для критической оцѣнки. Размѣстивъ существующія ученія по двумъ категоріямъ, мы не коснулись ихъ многочисленныхъ родовыхъ и видовыхъ подраздѣленій. Это особенно имѣетъ мѣсто по отношенію къ положительнымъ ученіямъ, между которыми можно указать на многія гениальныя попытки рѣ-

шить трудный вопросъ. Критическій анализъ этихъ рѣшеній возможенъ, разумѣется, только при ихъ изложе-
ніи, для чего у насъ нѣтъ времени. Поэтому, мы прямо
перейдемъ къ тому рѣшенію, которое намъ представля-
ется наиболее правильнымъ, и начнемъ разсмотрѣніе дѣ-
ла съ постановки вопроса.

III. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА:

ОСНОВНЫЯ И ПРОИЗВОДНЫЯ ЕГО ФОРМУЛЫ.

Извѣстно, что во всякомъ изслѣдованіи, какой
бы научной области оно ни касалось, постановка или
формулированіе изслѣдуемаго вопроса есть первая и
въ высшей степени важная задача, отъ удачнаго раз-
рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая судьба работы.
Но въ области науки нѣтъ, быть можетъ, другой темы,
въ которой постановка имѣла бы столь рѣшающее зна-
ченіе, какъ въ изслѣдованіи вопроса о свободѣ во-
ли. Мы рѣшаемся утверждать даже, что эта задача со-
ставляетъ вѣдь центральнѣйшій узелъ вопроса, и что
значительная доля затрудненій, встрѣчаемыхъ при его
рѣшеніи, объясняется именно тѣмъ, что самый вопросъ
формулируется въ большинствѣ случаевъ или неправиль-
но, или недостаточно отчетливо. Естественно, что на
эту сторону дѣла мы прежде всего должны обратить осо-
бенное вниманіе, въ надеждѣ, что заботливое ея обсу-
жденіе поможетъ намъ стать на твердую почву.

Обыкновенно свободную волю опредѣляютъ, какъ волю, не подчиненную закону достаточнаго основанія или закону причинности, — какъ волю, исключающую необходимость или законмѣрность въ своихъ обнаруженіяхъ. ^х Это — традиціонная постановка вопроса, встрѣчаемая какъ у защитниковъ свободной воли, такъ и у ея отрицателей, — та постановка, съ которою мы свиклись, сжились, и подъ которою мы обыкновенно представляемъ себѣ дѣло, какъ скоро заходить о немъ рѣчь: свободенъ тотъ, — думаемъ мы, — чьи дѣйствія не обусловливаются необходимостью и не предустанавливаются ею.

Всмотримся ближе въ эту постановку вопроса.

Наша внутренняя свобода опредѣляется здѣсь противоположеніемъ ея необходимости или причинности. Самъ по себѣ этотъ способъ опредѣленія понятій вполне законный, допускаемый и одобряемый логикой. Но бѣда въ томъ, что въ данномъ случаѣ имъ не пользуются до конца, а останавливаются на первомъ, начальномъ шагѣ. Желая опредѣлить свободу указан-

^х Подъ закономъ достаточнаго основанія или причинности мы разумѣемъ здѣсь тотъ всеобщій законъ міровѣданія, согласно которому все существующее непремѣнно предполагаетъ достаточное основаніе своего существованія: всякое явленіе есть дѣйствіе своей причиной, которою оно съ необходимостью вызывается.

нымъ противоположеніемъ, въ дѣйствительности самое противоположеніе оставляютъ навскрытымъ, неразъяснимымъ, безъ вывода тѣхъ слѣдствій, какія въ немъ заключаются, и тотчасъ же бросаютъ его, обращаясь къ другой сторонѣ дѣла. вмѣсто выясненія понятія СВОБОДЫ при помощи взятаго противоположенія, какъ бы слѣдовало ожидать, на первыхъ же порахъ обращаются къ понятію НЕСВОБОДЫ отождествляя его съ понятіемъ необходимости. Довольствуются тѣмъ, что понятенъ и ясенъ терминъ "необходимость", т.е. несвобода, стало быть, какъ бы заключаютъ отсюда, долженъ быть ясенъ и понятенъ и терминъ, ему противоположный, т.е. свобода. А между тѣмъ это, стало быть, болѣе нежели сомнительно. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ выяснитъ смыслъ установленнаго противоположенія.

Если необходимость, понимаемая вслѣдствіе законмѣрности или причинности явленій, есть несвобода, то въ чемъ же должно заключаться противоположное понятіе свободы? Въ качествѣ противоположнаго оно, очевидно, должно характеризоваться, обратными чертами. Свобода въ такомъ случаѣ можетъ и должна означать состояніе, не управляемое никакими нормами, неподчиненное никакому порядку, — случайное, анархическое. Съ этой точки зрѣнія свободная воля будетъ воля капризная, слѣпая: это — ничѣмъ не сдерживаемая сила, которая, въ своихъ движеніяхъ, бро-

сается изъ стороны въ сторону безъ всякой причины и основанія, неожиданно, стихійно... Едва ли даже можно представить себѣ такое состояніе, и если мы описываемъ его, то ничего другого не дѣлаемъ, какъ вскрываемъ содержаніе противоположенія, свади котораго, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего реального. Но если бы даже описываемое состояніе и можно было себѣ представить, то само собою ясно, что такъ никто и никогда не понималъ свободы воли. Самые убѣжденные и горячіе ея защитники никогда не согласились бы съ подобнымъ опредѣленіемъ. Они отказались бы отъ такой свободы, думаемъ, съ большою готовностію, нежели отъ самаго полного духовнаго рабства, ибо съ нравственной точки зрѣнія, на которой большинство ихъ стояло, это рабство все же лучше слѣпой, случайной и анархической силы, которая съ одинаковымъ безразличіемъ способна толкать человѣка и на высокій подвигъ, и на гнусное преступленіе, — которая съ тупымъ равнодушіемъ можетъ заставить его стать злодѣемъ съ тѣмъ, чтобы превратить потомъ въ святого подвижника.

Выволъ получается невозможный, а между тѣмъ наше опредѣленіе свободы, повидимому, совершенно вѣрно, если брать источникомъ этого опредѣленія рассматриваемое противоположеніе. Ошибка кроется, слѣдовательно, именно въ этомъ противоположеніи, которое кажется достигающимъ своей цѣли, пока мы